

Феномен миграции

УНИВЕРСАЛИЗМ ФЕНОМЕНА МИГРАЦИИ

И.С. МЕТЕЛЕВ

В общепринятом понимании миграция населения (от лат. *migratio* — переселение) является широким социальным процессом перемещения, совершаемым людьми между странами, регионами, поселениями и т.д.¹ Современная миграция рассматривается как социальный феномен в истории человеческого сообщества, но речь преимущественно идет о данных социологической науки в отношении миграционных процессов, их типологических разновидностей, моделей интеграции мигрантов в принимающее общество². В философской литературе феномен миграционности рассматривается на основе онтологических картин мира («пути и местности»), когда в качестве атрибутивности человеческого существования выступает *homo migrans* («человек мигрирующий»). Речь идет о его нахождении (месторасположении) в границах статических и динамических обществ, исторически подвижного и оседлого опыта, масштабирования перемещений, географии расселения человечества, в том числе в государствах и пределах городской цивилизации. Именно в подобном зрении И.Т. Касавиным рассматриваются основные тенденции текучести миграционного опыта, факторы жизнеспособности населения, взаимосоединимость экологических пространств и структурности пути, «транзитные онтологии» путешествий, исторические магистрали миграции, универсальный и локальный опыты расселения³. Это создает незаместимую основу для понимания современных миграционных процессов, особенностей образа жизни мигрантов в единстве социально-экономических, культурно-исторических и личностных факторов. Пространственные перемещения в фазах познавательных установок обнаруживает такие сопряженные фрагменты, как миграционный опыт, миграционное существование, миграционное поведение, миграционные судьбы.

В принципиальном смысле, согласно И.Т. Касавину, универсальный опыт миграции исключает привязанность к конкретике территорий. Практикующее существование связывает между собой магистрали открываемой местности и миры общечеловеческой

культуры, в перемещениях «Великого Бездомного» через социокультурные проселки по новым траекториям». При этом жизнь на определенной территории представляет не постоянную смену деятельности, но культивирование ее отдельных типов и создание условий их воспроизводства. Сообразно этому устанавливается политико-властная обстановка, появляется законодательство, мораль, общественная психология и идеология. В житейском плане как соединение «своего» и «чужого», специально подчеркивает И.Т. Касавин, появляется Дом, который сообщает жизни порядок (симметрию), и не случайно мышление местных жителей ориентировано на примирение противоположностей, приобщение к социально-значимым духовным и практическим стереотипам⁴. Но реально, на наш взгляд, все это осуществляется в направлении перспективного синтетического характера взаимосотрудничества и взаимообустроенности людей.

В разрезе универсального поиска можно сделать предположение о том, что «человек мигрирующий» ищет не дом, а пристанище. В свою очередь, житель находится в своем доме, или точнее, проживает в городе. Согласно Х. Ортега-и-Гассету, «город — это сверхдом, это преодоление дома, людского логова, создание новой структуры, более абстрактной и сложной, чем семейное *oikos*». Х. Ортега-и-Гассет ассоциирует данный феномен с появлением республики, *politeia*, которая формируется не из мужчин и женщин, но из «сограждан». Это именно новое измерение, не сводимое к приспособительным реакциям, поискам защиты от внешней среды, оно предложено «человеческому существованию» («те, что прежде были просто человеческими особями и вкладывают в это новое всю свою энергию»). «Так возникает город, — подчеркивает Х. Ортега-и-Гассет, — и становится государством»⁵. Это подтверждается следующим: Как подчеркивает Ж.-П. Вернан, «режим полиса» предстает перед нами соотношенным с новой концепцией пространства; «институты полиса» представляют собой проекцию и воплощение того, что можно назвать «политическим пространством»⁶.

На наш взгляд, данные коллизии препятствуют необходимому (органическому и естественному) вхождению мигрантов в новую территориальную среду, что исторически обусловило появление этнических кварталов, вплоть до гетто. Х. Ортега-и-Гассет объясняет: понятие «город-государство» позволяет уловить специфику государственного начала. Развитие «государства» как державы свидетельствует, что исторические силы пришли в равновесие и

сдерживают друг друга. С одной стороны, государственная власть, согласно Х. Ортеге-и-Гассету, есть «сосуществование устойчивое, организованное, статическое». С другой стороны, равновесное состояние не исключает «ту динамику, которой государство рождено и держится». «Созданное государство, — подчеркивает Х. Ортега-и-Гассет, — результат усилия, его создавших, исход долгой борьбы». Собственно, государственной власти предшествует «строительство государства, и вот оно-то и есть источник и залог движения». И, наконец, главный вывод: «Государство — преодоление всякой природной общности. Это метис и полиглот», когда объединяющие начала имеют своим результатом «воплощение жизненных замыслов», и когда в «основании любого государства мы видим или угадываем силуэт великого предпринимателя»⁷.

Это соответствует современным тенденциям превращения государства-нации в национальные государства, в которых происходит фактическое превращение мигрантов в граждан. Речь идет о реальной практике — прежде всего западных стран — осуществлять переход от «гражданства через происхождение» к гражданству «через рождение на территории» и к гражданству «на основе местожительства»⁸.

Но миграционная подвижность населения — многообразный мир, пути и узлы контактов-соприкосновений, которые обнаруживают непосредственные обращения в ответственности и безответности. Разные жизни — это и различные способы взаимодействия с ней, принципы обустройства, методы диалогизации, инструменты пребывания в социокультурных ландшафтах. Так, на материале жанровых повествований В.Г. Щукиным выделяются видовые отличия бытовых культурных пространств или социокультурных локусов. Прагматическая функция локуса порождает его формальную и ноуменальную оформленность, внешнюю и внутреннюю структуру, комплекс сопутствующих смысловых коннотаций. Автор отмечает важную особенность: локус на долгое время «застывает в неподвижности», но рано или поздно наступает период его регресса и деформации. Например, комфортабельные квартиры (районы) коммунализируются, ряд городских анклавов (трущоб) деградируют до непригодных для проживания площадок, благородный пансион переводится в статус «интерната», классический рынок в «конце концов» становится «вещевым» или «оптовым»⁹. Следует ли говорить о том, что первоначальный миграционный опыт «помещается», «расселяется» именно в данные пространства, которые становятся

материнской средой мигрантов, в том числе по отношению к реалиям настоящего времени?

В этом смысле следует акцентировать значение хронотопического существования мигранта в единстве философско-расширительного и конкретно-социального значения, как «ворот» вхождения в новую жизнь, тесного сопряжения временных и пространственных характеристик. Речь идет об особенностях универсальных и локальных жизненных сюжетов, личностно присвоенных примет малознакомой территории, «розыгрышах» социально-человеческих качеств миграционного существования.

Тема «дома», «пути», «дороги», «пристанища» в символическом понимании их качественности специально рассматривается Ю.М. Лотманом. Так, в географических пространствах акцентируются архаика, поиск ближайшего территориального арсенала эпохи, инокультурные вторжения. Но длительность путешествий всегда «наталкивается» на дом, сопутствующее ему окружение. Близкие пространственные модели выражают идеи добра и тепла, когда ускоренное приближение к нему рождает «чувство полета». Для Ю.М. Лотмана дом — это место, в котором «живут», не случайны выражения «добрался до дома», «возвратился домой», чему противостоит «не-дом», в качестве «не домашнего дома». К месту жительства человека ведет «дорога» как воплощение движения к конкретному месту и безграничности перемещений. В этом случае «путь» есть реализация и нереализация пространства дороги, открывающейся в оба конца, и не случайно говорят «пустился», «отправился в путь», т.е. когда человек находится в неокончательной ясности путешествия. Ю.М. Лотман говорит о «доме» и «антидоме» как бездомье, отсутствии доверия к месту, где нет покоя, отсутствует средоточие житейской духовности¹⁰.

Как следствие, можно соотносить дом и «миграционную стихию» как пространство без внутреннего близкого мира («дом родной» и антитеза «длящейся стихии» — тематизация холода, голода, нищеты, болезни, вне постоянного быта, как бы на его «обрывках»). Отсюда — несостоятельные поиски мигрантом своего дома, который предстает средоточием личной и национальной жизни, необходим для развития его дальнейшей судьбы. Вне его непосредственно осязаемый человек — это его одежда как укрытие, натуральность облика — близкий преддом, предтеча его, «неотыскание» — реальная катастрофа существования.

Драматичность, социальная острота миграционного опыта соотносится с «фигурами времени», которые, по мысли Е.В. Петровской, заключают вопросительность: освободить будущее от прошлого? Освободить прошлое от будущего? Эти вопросы являются зеркальными, и каждый может сделать выбор в границах минимума демократизма¹¹. Действительно, следует верить в исторический прогресс, освобождение от резкой оппозиционности и антигуманности по различным линиям образа жизни, поведения и действий, в том числе по отношению к миграционному опыту.

В универсальном зрении Д.Н. Замятин выделяет следующие черты миграционности как аспектов территорий и путешествий: прежде всего это важный путь формирования их образа, на котором происходит столкновение и взаимодействие автохтонных и «пришлых» пространственных представлений. На данной основе создается множество подобразов социальной организации со стороны общественных групп, сферы искусства, средств массовой информации и т.п. Особый смысл характеру и типичности миграции, структуре и конфигурации целостных представлений стран-государств придают конкретные значительные личности и общественные события вследствие новых принципиальных оценок. Не случайно самый распространенный вид миграции — экономической — приводит к космополитизации образов территорий¹². Например, сегодня не говорят о москвичах как «особой нации» (что происходило в прежний период), но о превращении столичного мегаполиса в сплетение различных национальностей.

В результате можно сделать вывод о том, что в разработке управленческого воздействия на *миграционное существование* необходимо учитывать сочетание свободы как гармонической ориентации и подлинной миграции в условиях современных коммуникационных систем. Существо стратегии миграционного развития предполагает системный характер процессов воспроизводства населения. Актуализация миграционных факторов в их влиянии на тенденции социальных процессов заключается не в исключении негативизма жизненной ситуации, но прежде всего в организации социального воспроизводства в качестве организационной целостности. Перспективы его развития заключаются в существовании определенного порядка связей, позволяющих достигать необходимых параметров миграционно-демографической политики.

На этой основе может быть выделено стратегическое единство демографической структурности мира и миграционных процессов, в актуальности выявления схем соответствия демографических переходов и факторов миграции. Как следствие, основное внимание следует направить на выявление ее социально-онтологических оснований в воздействии на демографическую политику и соответствующие установки личности (в системе общественных связей, по отношению к миграционному потоку).

Сегодня понятие «истинной миграции» соотносится с настоящим временем, его новыми явлениями, территориями, ландшафтами. Основанием этого служит фактор культуры как всеобъемлющей системы, связывающий многообразный мир ценностей и традиций, духовные модусы человеческого существования. В этом отношении, подчеркивает М. Блюменкранц, человек не сводим к своей актуальной данности, пребывает в непрерывном становлении, реализует многообразные потенции и, благодаря этому, «всегда в пути, со всеми падениями и подъемами, ему сопутствующими».

М. Блюменкранц отмечает, что при всех выпадениях из различных пределов, эгоцентризме, индивидуалистических притязаниях, «человек мигрирующий» — продукт новых коммуникаций, хотя путешествия теряют «тепло добросовестных человеческих контактов», общение утрачивает «необходимую атмосферу интимности, что напоминает, скорее, «тюремное свидание под неизменным наблюдением... посредника — телефонного или электронного аппарата». В результате исчезает «точка центрирования», в которой стягивается смысл социально-человеческого существования и существования целостного мира, человеческая личность постепенно погружается в «приватный Космос». Она — «вечный Робинзон коммуникационных линий», как следствие, вырабатывается «накатанная техника скольжения по жизни». М. Блюменкранц подчеркивает, что современный кочевник отличается скоростью передвижения и портативностью технических средств на основе обслуживания современной гипериндустрии. «Все свое ношу с собой и поэтому всегда налегке», шутят кочевники с кейсами. Вместе с тем прежний уклад жизни, неспешность жизни, дом «не как привал» остаются¹³.

Но можно предположить, что современному мигранту присуща способность *видеть* время, *читать* его, относиться к фактору пространства как формирующемуся, «становящемуся» целому и очередному предприятию (понятно, что уже в зна-

чении задуманных начинаний и действий). Сюда включается природное окружение, приметы странствий, территории обитания народов, незнакомый характер нравов и реализация идей в направлении мировых онтологий. Временной ход миграции отличается различной циклической напряженностью — утренние часы восходов и закатов, бытовое окружение, перепады ландшафтов, нарастание новых циклов движения, собственно, длительность передвижения. На временной пласт текущих события накладывается историческое время: памятники материальной культуры, элементы городских цивилизаций, социально-институциональные структуры, мир организаций и т.д. В миграционном процессе обнаруживают себя образы фрагментарной историчности, «времен года», человеческих возрастов, проявления разновременности в традициях и пережитках, ростках и начатках будущего.

В этом отношении можно сослаться на тему хронотопа (времени-пространства) у И.В. Гете, которая является объединяющей по отношению к зримости, «видящему глазу», «культуре глаза» как своеобразного центра, первичной и последней инстанции внешних чувств и внутреннего переживания. Согласно М.М. Бахтину, на материалах рассуждений И.В. Гете о культуре зрения могут быть выделены «ответственные понятия и идеи», которые позволяют наглядно понимать сложные пространственные процессы, представлять их адекватные модели¹³.

Миграционный опыт позволяет видеть и понимать поколенческие различия народов, особенности социальных группировок, качественные отличия эпох, творческие усилия. Расширяющиеся познавательные, обыденные впечатления, неотрывное внимание к калейдоскопичности примет жизненного мира требуют особой заботы и работы зрения, соответственно, порождают переходы к постижению социального времени. Его направленностью являются контрасты образа жизни, общественных статусов, понимание собственного прошлого (родины) и положения на новых путях и дорогах, которые устремляют взгляд в перспективную реальность.

В результате миграция приобретает устойчивый универсальный статус как порядок отправлений, производство знаний об окружающем мире, произвольный выбор моментов исканий и т.д. В онтологическом смысле осуществляется поиск не только географических территорий, но и «самого себя» как условия выживания в новых обстоятельствах. На этой основе можно

разделять образы жизни отдельных народов (народонаселения) и его представителей, собственно, «мигрантов». Как следствие, в границах миграционного процесса следует различать выбор причинно-следственных взаимозависимостей, прежде всего в отношении отправления в «путь» и «выбора дороги». «Прибытие как событие» должно быть оправдано качеством особого миграционного опыта, первоначальных намерений перемещений в пространстве-времени, актов отправления как стремления продвигаться в дальнейший путь. Измерение последнего происходит в закономерной причинно-следственной цепи транзитов как «транзитной антологии». Феномен мобильности оказывается более ограниченным, чем миграционный процесс, который предстает универсальным в связывании различных целостно представленных порядков. Так, конкретный действующий человек практикует миграционное существование в междумирии культур, типов поведения и образа мыслей. На основе выделенных предметных оснований могут быть указаны следующие модификации понятия миграции.

Миграционное поведение раскрывает общие и специфические закономерности, механизмы взаимодействия различных социальных подсистем с окружающей средой в формах отражения и сознания человека. «Человек мигрирующий» как живой, социально-человеческий организм обнаруживает способность воспринимать, перерабатывать, закреплять и использовать социальную информацию для приспособления к условиям существования и регуляции внутреннего состояния. Динамика конкретных социальных моделей поведения образует системное единство, которое обеспечивает направленность реакций в направлении полезного результата, корректировки целерациональных поступков, вхождения в общественные программы действий, ценностно-нормативные представления в границах материальной и духовной культуры, общую регуляцию социальных институтов, политико-правовых и морально-этических подсистем.

Миграционное существование предполагает непосредственную жизненную атмосферу поступков и действий, неспециализированность поведения по отношению к рационально усвоенным нормам и ценностям. Не случайно, мигранту следует «решиться на определенное предприятие» вне целеуказания осмысленных доводов. Речь идет о фактической жизни субъектности, в особых режимах индивидуального сознания и онтологических структу-

рах выбора пути (дорог), социально-человеческих состояниях и переживаниях, ценностных кристаллизациях предшествующего опыта. Осознанные акты поведения сопрягаются с беспредпосылочностью и вневременностью автономных передвижений, «наивными» попытками контактов. В результате происходит своего рода «открытие» мира в его «означивании» как способа движения, самоопределения на уровне спонтанности жизни (перед мигрантом неограниченная, не «имеющаяся» окружающая среда, когда он сам себе «дает факты», берет их «на себя», существует «негарантийно», но «на свой страх и риск», «без надежды на успех»). Подлинность и неподлинность жизненного поведения сопрягаются в границах авантюристичности предпринятых действий и шагов, но именно как решимости продвижений к структурам обновленного пространства. Отсюда — сообразное понимание миграционного опыта как универсальности и конкретности познавательных («познающих») действий в их единстве с навыками, привычками, чувствами, волевыми устремлениями. В этом отношении действия и образ мышления мигрантов сопряжены с процессами социализации и адаптации в общей структуре миграционного процесса (миграционного потока). В конечном счете происходит синтезация чувственной и рассудочной познавательной деятельности как итог самодвижения и самопознания «человека мигрирующего».

Соответственно миграционная модель поведения, обладающая собственной реальностью, обозначает акты и контакты, закономерности необходимости и свободы в границах модели миграции. На данной основе возможно построение категориальной онтологии и картины миграционного существования. Так, может быть выделено двойное знание: образы перемещений (передвижений) и конкретные средств (инструменты) продуктивного взаимодействия миграционного опыта и среды, координация и взаимодополнение траекторий потоков миграции.

Миграционная судьба — событийность времени конкретной жизни субъекта, социокультурная доминанта в границах принудительной причинности поведения (внешняя детерминированность миграционного процесса артикулируется в ценностях традиционной культуры, в частности в формах «причинения», «выпрямления» жизненного мира и одновременно формирования продуктивности сознательного созидания судьбичности). В последнем случае появляются призывы (проекты) кодификации поступков с целью их перевода в стандартные установки и ценностные ориентации,

развитие стереотипных оснований действий (вплоть до благо-разумной, саморассудительной рациональности). В результате должна ослабевать природно-органическая основа *миграционного образа жизни*, которая переходит в универсалии социокультурного существования, располагается в границах современных норм и установлений (причем, «по разуму своему», «по воле своей»).

Помещающая в конкретный хронотоп судьба — уже не путь, но дорога странствий по чужбине — означает «городок», и прежде всего как реальность социального бытия (хронотоп «окраины», «пустыря», «примыкающей площадки»). *Миграционная судьба* неотторжима от микропространств, включает их исчерпывающий смысл, одновременно ее развитие «подсказывает» позитивные местоположения, втягивается в социальное время, в том обстоятельстве, что многое навязывается в регламентационном смысле, диктуется «привязанностью» к конкретным локусам (не вообще территории, многочисленным локусам). Иначе говоря, формируются импульсы обитания во взаимодействиях моральной и социальной среды. В результате заявляет себя «власть места» как грубая реальная поэтика, доминирование формально-нормативных смыслов.

В заключение отметим: современные общественно-политические и экономические дискуссии о факторе миграции, его роли в жизнедеятельности социума обращают внимание на универсальный характер миграционности, в том числе на ее социально-историческое развитие. В этом случае выявляется важная роль философского анализа, противостоящего облегченному, редуccionистскому пониманию и объяснению феномена «человека мигрирующего». Его проблематика образует специфический понятийно-проблемный комплекс как совокупность традиционных и новационных понятий, теоретических категорий во взаимосвязи оснований исследования, методов и принципов осмысления, понимания существенной определенности и актуальности процессов и явлений миграции. В понимании обсуждаемой темы убеждаешься в универсальном характере *homo migrans* — от исследования пространственных перемещений как социально-онтологической субстанции, существенных реалий цивилизационного развития до рассмотрения общественно-политической проблематики конкретных социумов (в разделении предметных разделов философии, социальной философии, философско-социологического и политологического знания как основы понимания перспектив развития современного социума).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения // Российская социологическая энциклопедия. – М.: НОРМА-ИНФА, 1998. – С. 286.
- ² Юдина Т.Н. Социология миграции. – М.: Академический проект, 2006.
- ³ Касавин И.Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Вопросы философии. – 1997. – № 7. – С. 76 – 79.
- ⁴ Там же. – С. 79, 81.
- ⁵ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир. – 2000. – С. 136.
- ⁶ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988. – С. 140 – 143.
- ⁷ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Весь мир, 2000. – С. 136, 137.
- ⁸ Юдина Т.Н. Социология миграции: к формирования нового научного направления. – М.: Дашков и К°, 2004. – С. 40.
- ⁹ Щукин В.Г. Социокультурное пространство и проблема жанра // Вопросы философии. 1997. – № 6. – С. 72.
- ¹⁰ Волкова Е.В. «Дом» и «дорога» как реалии и как символ в работах Ю.М. Лотмана // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 169 – 174.
- ¹¹ Петровская Е.В. Фигуры времени // Вопросы философии. – 2000. – № 10. – С. 40.
- ¹² Замятин Д.Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства // Социологические исследования. – 2002. – С. 58.
- ¹³ Блюменкранц М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 49 – 54.
- ¹⁴ Бахтин М.М. Время и пространство в произведениях И.В. Гете // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство. – 1986. – С. 216 – 224.

Аннотация

В статье рассматриваются универсальные основания феномена миграции в его соотношении с данностью человеческого опыта, особенностями вхождения человека-мигранта в макро- и микросреды повседневного существования, поиском новых траекторий развития.

Ключевые слова: человек, миграция, дом, пространство, жизнеобеспечение.

Summary

The article deals with the universal foundation of the migratory phenomenon in its correlation with the givens of human experience, the occurrence of human features of the migrant in the macro- and micro-environment of everyday existence, the search for new paths of development.

Keywords: human being, migration, home, space, survival.